

ЗОЛОТЫЕ ЗЕМЛИ

Сокол и Ворон

Совиная башня

Птицы Великого леса

Ульяна Черкасова

СОВИНАЯ БАШНЯ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-48

Иллюстрация на переплете *Лидии Магоновой*

Иллюстрация на авантитуле *Нади Совы*

Иллюстрации на форзацах *Анастасии Осемеж*

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Черкасова, Ульяна.

Ч-48 Золотые земли. Совиная башня / Ульяна Черкасова. — Москва : Эксмо, 2022. — 608 с.

ISBN 978-5-04-159741-2

Богиня-пряха сплетает нити судеб в тугой узел.

Одна нить — для лесной ведьмы, отвергающей свою судьбу. В городе без чар Даре так же опасно, как и в Великом лесу, но это единственное место, где она может укрыться от древних богов.

Вторая нить — для чародея, который пытается судьбу обмануть. Милош одержим желанием мести, но ненависть разрушает его самого.

Третья нить — для княжича, который своей судьбы боится.

Потеряв любимую, Вячко пытается найти новую цель в жизни, но, возможно, она всегда была ему известна.

Четвертая нить — для слуги, который судьбе повинуется.

И именно его, Ежи, боги выбрали, чтобы раскрыть тайны, которые таит Совиная башня.

Колесо прялки делает оборот, богиня-пряха крепко держит нити. Любую из них она может легко оборвать.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Черкасова У., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-159741-2

Ваш час сьдзе навечна.
Змые крывёю пачвар¹.

«Памерлыя Божышча»,
Dzivia

ПРОЛОГ

Великий лес
543 г. от Золотого Рассвета, месяц липень

Запретный лес водил кругами.

Ещё на опушке Катше послышалось, будто издале-ка Ики позвал её по имени. Она даже не подумала, что Ики остался на Мёртвых болотах и никак не мог оказаться здесь. Чары леса уже обрели над ней власть, и девушка побежала на голос, плутая среди деревьев. Заблудиться в лесу оказалось легко. Катша не привыкла к узким звериным тропам и частоколу деревьев. Когда-то давно она так же боялась болот и не понимала их, но болота приняли Катшу, а Ики научил жить и охотиться.

Запретному лесу не по нраву пришлась чужеземка.

Долго она искала Ики, срывалась с места каждый раз, как эхо доносило его голос, и, наконец, от усталости повалилась на землю. Только тогда разум её прояснился: Катша осознала, что лес морочил ей голову.

Солнце стояло ещё высоко, когда изнеможённая девушка беспокойно заснула, но уже спустя лучину открыла

¹ Ваше время уйдёт навеки.
Смоет кровью тварей.

глаза, заслышав странный шум. Пугливо она бросилась в кусты и затаилась. В стороне по узкой звериной тропе прошёл красный конь, верхом на нём сидел всадник весь в красном. Лоб у Катши покрылся испариной, виски пронзили иглы. Охотница заморгала часто-часто, и всадник пропал из виду.

Чары леса были слишком сильны, она не могла им сопротивляться. Как бы его перехитрить?

Кусты в стороне затряслись, послышалось хриплое хрюканье. Кабаны!

Прячась за деревьями, охотница ушла в сторону. Она слышала, как шумела листва, как ветви ломались, когда кабаны прорывались сквозь чащу. Раз за разом она оборачивалась, но не могла разглядеть стадо.

А звук не затихал.

Весь день Катша уходила от погони, а на закате чуть не попала под копыта чёрного коня. Всадник его — такой же чёрный, как и конь — даже не взглянул на девушку. Она замерла, лёжа пластом на земле.

Мощные копыта невесомо прошли по лесной тропинке, трава под ними даже не примялась.

В Запретном лесу Катше не было места — так сказал Ики, об этом предупредил Олоко.

Катша и сама знала, что Хозяину она не по душе. Её народ давно поклялся держаться прочь от Запретного леса. Но с тех пор как Катша покинула пещеры Канманд, она мечтала прийти сюда и задать терзавший её вопрос.

Сияющий Хозяин Лесов молчал, наблюдая со стороны, а его слуги игрались, водили девушку кругами.

Три дня. За три дня Катша потеряла и утратила уже всякую надежду выбраться живой из леса, когда наконец вышла на поляну.

Окружённая древними елями, посреди поляны стояла землянка. Она показалась одинокой, покинутой и всеми

забытой. В этом доме давно потух очаг, а дух-хранитель погрузился в глубокий сон. Дом был мёртв.

Катша ступала по поляне, прислушиваясь к новым ощущениям: как мох проседал под ногами, как шумели ели над головой, как тёплый ветер ласкал лицо.

Дышалось в Запретном лесу иначе, чем на болотах: сладко дышалось, свободно. Обессиленная Катша рухнула на колени прямо перед входом в землянку, коснулась травы рукой. Мягко.

В стороне мелькнул чёрной лентой уж, скрылся в кустах.

И Катша разрыдалась.

Она не могла вспомнить, когда плакала в последний раз. Когда покинула родных или многим позже, когда умерла от голода на болотах? Духи предков послали к ней Ики, спасли от верной смерти. И духи помогли исполнить клятву, привели в Запретный лес.

Катша плакала тихо, глотая вырывающиеся из груди всхлипы. Она привыкла, что нужно не шуметь и быть осторожной. На болотах эта привычка не раз спасала ей жизнь.

– Он не заговорит с тобой, – раздался голос со стороны и тут же отозвался с другого конца поляны:

– *С тобой... ой...*

Катша вскинула голову, натянула тетиву лука.

– Но он хочет знать, зачем ты здесь?

– *Здесь... э-с-сь...*

Сколько бы ни смотрела Катша по сторонам, сколько ни вглядывалась в ельник – никого не было видно. А голос кружил вокруг, скакал с одного края поляны на другой.

– Твой народ изгнан. Чего ты хочешь?

– *Хочешь... э-ш-ш...*

Катша сглотнула, с трудом проговорила:

– Я хочу просить о прощении. О позволении вернуться.

– И как же вернётся твой народ? Хозяин испепелит вас, если увидит в истинном обличье.

Голос звучал из ниоткуда и отовсюду одновременно. Катша опустила лук, убрала стрелу обратно в колчан. Кем бы ни был лесной дух, он не желал её обидеть. Пока что...

– На наших землях живут чужие люди, мы заберём их кожу.

Лес замолчал. Тихо стало вокруг. В груди у Катши растался страх, сжимал ей горло, и она всё ждала, что смерть обрушится с небес – прямо с невыносимо далёких верхушек елей – и накажет Катшу за её дерзость.

– Нет. Это нарушит порядок. Нельзя.

– Но...

Катша вскрикнула в отчаянии, но побоялась возразить. Духи не меняли своих решений.

– Оставайся на ночь, – печальный вздох прокатился по поляне. – На одну ночь. Согрейся. Поспи. На рассвете возвращайся на болота.

– *Уходи-и-и*, – в последний раз разнеслось эхо.

Катша застыла, и сердце ухнуло вниз.

– Нет, – выдохнула она. – Нет, подожди!

Она звала и звала, умоляла вернуться, выслушать её горе, смилостивиться над стариками и детьми, над юношами и девушками, что жили во тьме, никогда не видя солнца. Но лесные духи уже ушли, не желали они знать о чужой беде.

Когда слёзы все пролились на травяной ковёр, когда охотница не почувствовала ничего, кроме пустоты в душе, день уже склонился к вечеру.

Катша прокралась в старую землянку, как дикий зверь в чужую нору. Внутри ей стало тесно и темно, как если бы она снова оказалась в пещерах Канманд, и она вышла наружу.

Охотница набрала воды в ручье, что протекал недалеко от поляны, напилась, после натаскала валежника и разожгла костёр. Сидя у огня, Катша лениво ела копчёную рыбу с лепёшкой и пила отвар из болотных ягод и трав.

Жужжали громко комары, кусали за щёки и шею. Вальжника ненадолго хватило, скоро прогорел огонь. Катше казалось, что она просунула руку в силки и ждала, когда затянется вокруг запястья мёртвый узел. Ей чудились глубокие подземелья, где умирает свет, где краски выгорают из человеческих волос и глаз, и всё становится белым, как снег на вершухах гор.

Вечерний сумрак играл злую шутку со зрением охотницы. Катша смотрела на свою смуглую руку, и ей казалось, что кожа бледнела, истончалась и слезала, подобно змеиной шкуре.

На поляну без всякого страха выскочил заяц. В Запретном лесу было опасно охотиться без позволения Сияющего Хозяина, поэтому Катша поглядела на зверька с сожалением и не притронулась к луку и стрелам. Заяц скоро ускакал прочь.

Дом лесной ведьмы притаился за спиной. Лес вокруг шептал, наблюдая за охотницей. Катша кусала губы, сдерживая горькие слёзы. Отчего духи так добры к пришедшим? Отчего покинули её народ? Чужаки с медовыми волосами украли их земли, украли даже их богов. А люди Катши забыли вкус солнца на коже, скрывшись под каменной глыбой гор.

Она заснула на голой земле, но тёплая оленья шуба не дала замёрзнуть, только комары продолжали назойливо жужжать у самого уха, впиваться в кожу острыми носами.

Катшу разбудил яркий свет. Он вспыхнул посреди ночи высоко в вершинах деревьев и рухнул на землю, разлился по поляне. Точно пламя, он плясал вокруг, танцевал в хороводе, ослеплял. Охотница ожидала, что сгорит заживо в этом огне, но он её не тронул.

Из чистого пламени пролился голос:

— Чтобы идти вперёд, ты пойдёшь назад. Чтобы стать владычицей, ты будешь служить владыке в огненной короне. Чтобы вернуть жизнь, ты принесёшь смерть.

Ветер задул яростно, разгоняя морок, и свет вдруг потух, исчез, как будто его и не было.

По-прежнему стояла непроглядная ночь, только звёзды мигали на небосклоне. Катша моргала слепо, привыкая к темноте. Тишина опустилась глубокая, давящая. Но на душе наступил покой.

Как только стало светать, Катша отправилась обратно на восток. Назад, как ей и напороочили.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОГОНЬ, ЧТО
ПОЖИРАЕТ ЗЕМЛЮ

ГЛАВА 1

Завидно мне чужое счастье, мама.
Хочу любить; но слов любви не знаю...

«Снегурочка», А. Н. Островский

Рдзения, Совин

543 г. от Золотого рассвета, месяц жовтень

Расчувствовавшаяся Горица долго прижимала к себе Ежи и Милоша, целовала их по очереди в макушки, щёки и уши. Милош устало смеялся, обнимая женщину своими длинными руками, а Ежи молча улыбался.

Весья потянула Дару за собой, вдвоём они проскользнули на кухню, но Горица будто бы их даже не заметила.

— Ох, родные мои, — приговаривала она, не отпуская парней из объятий. — Как я по вам истосковалась. Милош, — она чуть отстранилась, всмотрелась ему в лицо и вздохнула, — ты так похудел, кожа да кости. Ежи, ты что же, совсем за ним не смотрел?

— Ма-ам...

— И что это за девку вы с собой притащили? — Горица отпустила парней, уперев руки в бока. — Ещё одна ратиславка. Они всей Ратиславией к нам, что ли, притащатся?

Ежи потёр грязную шею, он мечтал скорее помыться и наесться до отвала, на разговоры сил не осталось, а разговор предстоял тяжёлый.

— Это сестра Веси, Дара.

Кухарка в ужасе ахнула.

— Дара? Которая прокляла нашего Милоша? Да я ей хребет кочергой сломаю...

И Горица кинулась бы на кухню ломать ведьме хребет, если бы Милош не ухватил её и не удержал на месте.

— Горица, милая, — промурлыкал он ласково на ухо. — Ты же понимаешь, что я должен сделать это сам?

Женщина в недоумении обернулась на Милоша.

— То есть?

— Терпение, дорогая матушка, — попросил он. Милош редко называл Горицу матушкой и обычно только когда нужно было её успокоить или переубедить.

Сработала уловка и на этот раз. Горица недобро ухмыльнулась и коснулась ладонью щеки Милоша.

— Я никогда её не прощу, так и знай. Пусть ведьма оплатит сполна.

— Обязательно. Но пока что она нужна Стжежимиру. Кстати, он у себя?

Милош уже собрался кинуться в мастерскую целителя, но Горица остановила его:

— Господина вызвала к себе княжна Венцеслава. Ей часто нездоровится в последнее время.

Милош замер, вытянулся, как тетива, взгляд его стал пустым.

— Приготовь воды, пожалуйста, — Ежи показалось, что голос друга задрожал. — И мою одежду. Нет, одежду я сам, потом. Пока горячей воды, и побольше.

Стремительно он взлетел вверх по лестнице. Хлопнула дверь его спальни.

— Ох, не отдохнуть тебе даже, — вздохнула мать. — Давай я схожу...

— Я сам.

Ежи взял вёдра и ещё раз чмокнул мать в щёку.

— Сынок, — позвала Горица. — Ты лекарство не забывал принимать?

Ежи спохватился и поспешил сначала наверх, где у него хранился запас лекарств от Стжежимира. Сделав пару глотков, он тут же пошёл к колодцу. Усталость валила с ног, но он радовался возможности хотя бы ненадолго остаться в одиночестве.

Скрывать свои мысли и чувства получалось всё хуже. Веся не сводила глаз с Милоша, а он только забавлялся с ней и сам переглядывался с ведьмой, когда думал, что никто не замечал. Он улыбался ей так же, как улыбался всем девушкам, что рано или поздно отдавались ему. Даже в шутку Милош не смотрел так же очаровательно на Весняну.

И всё-таки она отвергла Ежи.

Всё-таки...

Он сердито потянул за верёвку, поднимая ведро из колодца. Ослабшие натруженные руки задрожали, и Ежи расплескал всю воду. Пришлось снова опустить ведро, и бабы, стоявшие в очереди позади него, недовольно заворчали.

— Что ж это за хлопец, который ведро поднять не может? — хихикнула полная женщина за его спиной.

— Так это ж сынок Горицы, кухарки лекаря Стжежимира. Видимо, совсем дурно она готовит, раз у её сына сил нет.

Бабы загоготали от смеха.

Ежи наконец перехватил ведро за ручку, потянул наверх.

— И муж сбежал от её готовки, и сын скоро помрёт с голоду!

Ведро выскользнуло из рук. Вода пролилась прямо под ноги совиным кумушкам.

— Помолчали бы! — лицо Ежи пошло красными пятнами.

— Да ты как с почтенными женщинами разговариваешь, щенок?! — возмутилась пожилая служанка Пшемыслава Толстяка.

— Где ты тут видела почтенных женщин, старая гадюка? — раздался ворчливый голос в стороне.

Ежи вскинул голову, чтобы посмотреть на своего защитника, и тут же согнулся в почтительном поклоне.

— Господин Стжежимир, — проговорил он. — Да озарит Создатель твой путь!